

С. А. ЖИГАРЕВЪ.

РОССІЯ

въ средѣ европейскихъ народовъ

по даннымъ исторіи международныхъ общенія и права
въ XVIII и XIX в.в.

Историко-юридическіе очерки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.

1910.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ изданномъ еще въ 1852 году сочиненіи: «Дипломатическія сношенія Россіи съ западною Европою во второй половинѣ XVII-го вѣка» М. Н. Капустинъ, бывшій впослѣдствіи профессоромъ Московскаго университета, сдѣлалъ попытку «изложить окончательное выраженіе русской дипломатіи въ томъ пунктѣ, гдѣ она сходится съ дипломатіей западной», имѣя въ виду выяснить вопросъ о томъ, какимъ образомъ Россія могла вступить въ XVIII вѣкѣ «въ общество европейскаго народнаго права» и стать «живымъ самобытнымъ членомъ общества европейскаго». Поставивъ себѣ такую задачу и находя, что «исторія русской дипломатіи исчерпывается XVII вѣкомъ», онъ ограничился изученіемъ «общаго направленія русской дипломатіи» второй половины этого столѣтія. Продолжать свой трудъ далѣе—значило, по его мнѣнію, «перейти уже къ исторіи народнаго права въ Россіи».

Спеціальной работы, характеризующей отношеніе Россіи къ международному общенію въ XVIII и XIX вѣкахъ, нѣтъ въ русской литературѣ по международному праву и до настоящаго времени. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что выясненіе той роли, которую играла Россія въ средѣ европейскихъ народовъ въ послѣдніе два вѣка, представляетъ громаднѣйшій интересъ. Оно важно потому, что открываетъ возможность составить болѣе или менѣе цѣльный взглядъ на отношеніе русскаго народа къ международному юридическому порядку.

Вмѣстѣ съ тѣмъ оно до извѣстной степени даже можетъ способствовать устраненію многихъ неправильныхъ представленій объ отношеніи Россіи къ западной Европѣ, порождая

ющихъ ошибочныя сужденія не только о нашей внѣшней политикѣ, но и о совмѣстимости русскаго національнаго развитія съ общеевропейскимъ прогрессомъ.

Сколько нибудь восполнить этотъ пробѣлъ въ русской литературѣ по международному праву и составляетъ задачу предлагаемыхъ очерковъ.

Удачно-ли задача эта выполнена, пусть судить читатель. Авторъ позволяетъ себѣ лишь замѣтить, что неполнота фактическаго матеріала и не всегда одинаковая его разработка въ очеркахъ объясняются, главнымъ образомъ, самымъ характеромъ затронутыхъ въ нихъ вопросовъ международныхъ общенія и права, изъ которыхъ каждый для всесторонняго освѣщенія нуждается не въ краткомъ изложеніи, а въ подробномъ спеціальномъ изслѣдованіи.

Сергій Жигаревъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

Отношеніе Россіи къ Европѣ съ точки зрѣнія русской общественной мысли XVIII и XIX вѣковъ.

СТРАН.

I. Обособленіе русскаго народа въ московскій періодъ.—Историческая необходимость этого обособленія и его послѣдствія.—Вступленіе Россіи въ международное общеніе.—Возникновеніе борьбы старыхъ воззрѣній на жизнь съ новыми началами общественнаго развитія.—Религіозныя основанія протестовъ противъ иноземнаго.—Патріотическій характеръ недружелюбнаго отношенія къ Западу.—Проявленіе бытоваго консерватизма въ протестахъ противъ западнаго вліянія.—Крайности воззрѣній на отношенія Россіи къ Европѣ къ концу XVIII вѣка 1—14

II. Вліяніе Запада на русское общество въ эпоху наполеоновскихъ войнъ.—Противодѣйствіе этому вліянію со стороны поклонниковъ стараго порядка.—Воззрѣніе Карамзина на историческое развитіе русскаго народа.—Теорія оффиціальной народности.—Протестъ противъ этой теоріи.—Взглядъ Чаадаева на прошлое и будущее Россіи.—Мнѣніе на этотъ счетъ западниковъ и славянофиловъ.—Односторонность ихъ взглядовъ 15—31

III. Взглядъ историка Соловьева на ходъ культурнаго развитія русскаго народа и на значеніе реформъ Петра Великаго.—Упроченіе этого взгляда въ эпоху великихъ реформъ.—Современная научно-волюціонная точка зрѣнія на отношенія Россіи къ Европѣ.—Уклоненія отъ этой точки зрѣнія, порождаемыя націонализмомъ.—Ошибочность теоріи Данилевскаго и его сужденій объ отношеніяхъ Россіи къ Европѣ.—Европейскія основы русскаго народа.—Проявленіе присущаго ему общеевропейскаго типа въ международной жизни 32—56

ГЛАВА I.

Общій взглядъ на внѣшнюю политику Россіи и роль ея среди европейскихъ народовъ.

СТРАН.

Характеристика первоначальныхъ сношеній Россіи съ западно-европейскими народами.—Задачи внѣшней политики Россіи со времени вступленія ея въ международное общеніе.—Заботы Россіи о поддержаніи политическаго равновѣсія.—Служеніе ея принципу легитимизма.—Отношеніе къ принципу національности.—Система политическихъ союзовъ Россіи послѣ Крымской войны.—Русская политика XIX вѣка съ точки зрѣнія націонализма.—Признаніе Россіей права, какъ главнаго начала правильно устроенной международной жизни 57—116

ГЛАВА II.

Взглядъ Россіи на государство, какъ субъекта международного права.

Общія историческія замѣчанія по вопросу о субъектѣ международного права.—Воззрѣнія Россіи.—Отношеніе ея къ вопросу о признаніи государствъ.—Взглядъ на значеніе внутреннихъ государственныхъ переворотовъ и территоріальныхъ измѣненій.—Отношеніе къ основнымъ правамъ государства.—Право на независимость и равенство и дѣятельность Россіи въ эпоху Священнаго союза.—Право на самосохраненіе и на международное общеніе.—Право на уваженіе и честь 117—142

ГЛАВА III.

Признаніе Россіей необходимости органовъ внѣшнихъ сношеній между государствами.

Органы внѣшнихъ сношеній государствъ.—Главы государствъ.—Признаніе Россіей за главою государства права представительства.—Отношеніе императора Николая I къ Наполеону.—Дипломатическіе агенты.—Исторія права посольства на Западѣ и въ Россіи.—Консульскіе агенты.—Очеркъ развитія консульскихъ учрежденій.—Консулы въ христіанскихъ и нехристіанскихъ государствахъ.—Исторія консульскихъ учрежденій въ Россіи.—Международные органы сношеній между государствами 143—164

ГЛАВА IV.

Признаніе Россіей обязательности нормъ международнаго права.

СТРАН.

Формы внѣшняго выраженія права въ международныхъ отношеніяхъ.—Основаніе юридической силы международныхъ нормъ.—Необходимость добросовѣстнаго исполненія ихъ государствами.—Отношеніе къ трактатамъ въ древней Руси.—Позднѣйшія воззрѣнія русскаго народа на этотъ вопросъ.—Политика императоровъ Александра I и Николая I.—Обвиненія въ нарушеніи Вѣнскаго, Парижскаго и Берлинскаго трактатовъ.—Стремленіе государствъ къ болѣе точному формулированію международныхъ нормъ.—Участвіе Россіи въ этомъ дѣлѣ. 165—188

ГЛАВА V.

Взглядъ Россіи на права человѣка въ международномъ общеніи.

1. Защита личной свободы человѣка.—Общія историческія замѣчанія по этому вопросу.—Проектъ борьбы съ негро-торговлею, предложенный Россіей въ 1818 г.—Дѣятельность ея на Средиземномъ и Черномъ моряхъ и въ Средней Азій.—Отношеніе русскаго законодательства къ торгу невольниками. 2. Защита религіозной свободы.—Исторія этого вопроса.—Вѣротерпимость въ Россіи XVII и XVIII вѣковъ.—Защита православія въ западно-европейскихъ государствахъ и въ Турціи.—Вѣроисповѣдный вопросъ по русскому законодательству. 3. Защита гражданской свободы человѣка.—Отношеніе Россіи къ этому вопросу до Петра Великаго.—Манифесты 1702 и 1762 г.г.—Отмѣна права выкупа.—Манифестъ 1807 г.—Указъ 1860 г.—Ограниченія правъ иностранцевъ въ царствованіе императора Александра III 189—218

ГЛАВА VI.

Отношеніе Россіи къ политическимъ и соціальнымъ интересамъ государствъ въ области международнаго общенія.

Политическіе интересы государствъ.—Отношеніе къ нимъ Россіи.—Взаимопомощь государствъ въ области соціальныхъ интересовъ.—Взглядъ Россіи на это дѣло.—Отношеніе ея къ вопросу о

правѣ на общее пользованіе водами.—Свобода открытыхъ морей.—Дарданеллы и Босфоръ.—Зундъ.—Морской вооруженный нейтралитетъ 1780 г.—Международныя рѣки.—Признаніе свободы судоходства по нимъ.—Договоры Россіи о рѣчномъ судоходствѣ, заключенные до и послѣ Вѣнскаго конгресса.—Отношеніе Россіи къ свободѣ судоходства по Дунаю до Парижскаго трактата 1856 г. и послѣ заключенія его 219—240

ГЛАВА VII.

Взглядъ Россіи на способы защиты права въ международныхъ отношеніяхъ.

Историческій очеркъ развитія международнаго процессуальнаго права.—Гуманизация законовъ и обычаевъ войны.—Признаніе необходимости дипломатическихъ средствъ рѣшенія международныхъ несогласій.—Стремленіе къ упроченію въ международной области юридическихъ способовъ защиты права.—Участіе Россіи въ дѣлѣ усовершенствованія международнаго процесса.—Акты 1-й и 2-й вооруженныхъ нейтралитетовъ.—Петербургская конференція 1868 г.—Брюссельская конференція 1874 г.—Отношеніе Россіи къ дипломатическимъ способамъ улаженія международныхъ конфликтовъ.—Взглядъ императора Александра I на этотъ вопросъ.—Отношеніе Россіи къ Турціи и вообще къ азіатскимъ народамъ.—Юридическіе способы рѣшенія международныхъ несогласій въ практикѣ Россіи . 241—267

ГЛАВА VIII.

Россія и Гаагская мирная конференція 1899 г.

Вооруженный миръ.—Попытки къ предотвращенію бѣдствій милитаризма.—Дѣятельность обществъ друзей мира и ея практическіе результаты.—Постановка Россіей вопроса о разоруженіи.—Ея циркулярныя сообщенія отъ 12 августа и 31 декабря 1898 г.—Гаагская мирная конференція 1899 г. и ея постановленія.—Значеніе этихъ постановленій вообще и съ точки зрѣнія русской инициативы въ этомъ дѣлѣ въ частности 268—301

ГЛАВА IX.

Вытекающіе изъ исторіи международныхъ общенія и права выводы о положеніи Россіи въ средѣ европейскихъ народовъ.

Солидарность Россіи съ западно-европейскими народами во взглядахъ на международное общеніе.—Значеніе этого факта и

вытекающія изъ него послѣдствія.—Мнимыя и дѣйствительныя
причины враждебнаго отношенія Европы къ Россіи.—Тѣсное обще-
нiе на почвѣ общечеловѣческихъ интересовъ, какъ единственно-
возможное отношеніе Россіи къ западной Европѣ 302—314

Указатель цитируемыхъ трактановъ, конвенцій,
указовъ и манифестовъ. 315—327

ВВЕДЕНИЕ.

Отношеніе Россіи къ Европѣ съ точки зрѣнія русской общественной мысли XVIII и XIX вѣковъ ¹).

I.

Обособленіе русскаго народа въ московскій періодъ.—Историческая необходимость этого обособленія и его послѣдствія.—Вступленіе Россіи въ международное общеніе.—Возникновеніе борьбы старыхъ воззрѣній на жизнь съ новыми началами общественнаго развитія.—Религіозныя основанія протестовъ противъ иноземнаго —Патріотическій характеръ недружелюбнаго отношенія къ Западу.—Проявленіе бытоваго консерватизма въ протестахъ противъ западнаго вліянія.—Крайности воззрѣній на отношенія Россіи къ Европѣ къ концу XVIII вѣка.

Въ кievскій періодъ своей исторіи русскій народъ, повидимому, не зналъ національной исключительности. Находясь на большой дорогѣ между Европой и Азіей, онъ невольно долженъ былъ вступать въ разнообразныя—враждебныя и мирныя—сношенія со всѣми окружающими его племенами и культурными стихіями. Слѣды такихъ сношеній русскаго народа въ первые вѣка его исторіи съ народами юга и запада

¹) Главнѣйшія работы изъ обширной русской литературы по данному вопросу будутъ указаны въ примѣчаніяхъ къ этой главѣ, по мѣрѣ ея изложенія. Наиболѣе богатый матеріалъ даютъ труды *А. Пыпина*: Исторія русской литературы, 4 тома, Спб. 1898—1899 г.; Исторія русской этнографіи, 4 тома, Спб. 1890—1892 г.; Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб. 1900 г.; Характеристики литературныхъ мѣтійъ отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ, Спб. 1890 г.

Европы и азіатскаго Востока вполнѣ установлены наукой. Она доказываетъ даже, что съ тѣхъ отдаленныхъ временъ ведутъ свое начало и культурныя заимствованія русскаго народа.

Къ числу культурныхъ заимствованій того времени относится между прочимъ принятіе христіанства, имѣвшее рѣшающее значеніе для всей послѣдующей исторіи русскаго народа. Отразившись на всѣхъ сторонахъ народной жизни, перемѣна національнаго идолопоклонства на всечеловѣческую вѣру, для которой «нѣтъ эллина и іудея», разъ на всегда ввела древнюю Русь «въ міръ европейскихъ народовъ, въ движеніе европейской цивилизаціи, основой котораго....было христіанство»; вмѣстѣ съ тѣмъ она рѣзкою гранью отдѣлила Русь отъ сосѣдняго языческаго, а позднѣе магометанскаго восточно-азіатскаго міра, чѣмъ въ значительной степени способствовала тому, что русскій народъ впоследствии одержалъ рѣшительную побѣду надъ этимъ міромъ ¹⁾).

Господство свободы народныхъ отношеній въ Кіевской Руси въ связи съ принятіемъ христіанства давало основаніе предполагать, что дальнѣйшее развитіе русской государственной и общественной жизни будетъ непрерывно совершаться подъ благотворнымъ вліяніемъ общенія съ сосѣдними культурными народами, внѣ котораго ни одно государство не можетъ достигнуть серьезныхъ успѣховъ на пути прогресса. Но въ дѣйствительности случилось иначе. Историческій фатумъ, выпавшій на долю русскаго народа, измѣнилъ ходъ культурнаго развитія Россіи.

Начавъ свою жизнь при благопріятныхъ условіяхъ развитія международныхъ сношеній съ Западомъ и усвоенія его культуры, русскій народъ въ силу различныхъ историческихъ причинъ постепенно утратилъ не только связь съ западнымъ міромъ, но и значеніе самостоятельнаго фактора международной жизни. Причины эти достаточно извѣстны, чтобы на нихъ подробно останавливаться. То были: церковное раздѣленіе греческаго Востока и латинскаго Запада, породившее отчужденіе русскаго народа отъ умственной жизни западно-европейскихъ госу-

¹⁾ *Пытинъ*. Исторія русской литературы. Спб. 1898 г. т. I, стр. 68.

дарствъ; двухвѣковое татарское иго, вызвавшее продолжительное разобщеніе древней Руси съ западной Европой, и, наконецъ, одностороннее вліяніе Византіи, развившее въ русскихъ людяхъ ложное національное самомнѣніе и религіозную исключительность. Всѣ эти причины парализовали прежнюю свободу народныхъ отношеній и создали ту національную замкнутость, которая лишала русскій народъ выгодъ культурнаго общенія съ сосѣдями въ теченіе почти всего московскаго періода его исторіи.

Отрѣзанная отъ западной Европы шведскими и польскими границами и поработенная татарами, Русь сосредоточила все свое вниманіе исключительно на образованіи сильной государственности для утвержденія собственной національной независимости, своего внѣшняго политическаго бытія. Неуклонное стремленіе къ разрѣшенію этой національно-политической задачи, принявшее въ московскій періодъ всепоглащающіе размѣры, являлось историческою необходимостью. Поэтому, «въ общемъ ходѣ развитія нашего національнаго организма на московскую эпоху должно смотрѣть, какъ на неизбѣжную, но продолжительную и тяжкую *болѣзнь роста*», которая достигла своей крайней степени въ половинѣ XVII вѣка, когда образованіе единого, сплоченнаго государства, служившее основною причиною болѣзненнаго процесса, было завершено и въ болѣзни Московской Руси наступилъ рѣшительный переломъ ¹⁾.

Вызванное неотвратимымъ ходомъ исторіи, обращеніе въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ всѣхъ силъ и средствъ русскаго народа исключительно на дѣло упроченія собственной государственной самостоятельности должно было неблагоприятно отразиться на культурномъ развитіи Россіи. Развитіе это могло идти правильнымъ путемъ только при постоянномъ общеніи русскаго народа съ болѣе просвѣщенными западно-европейскими народами, которое лишь одно способно было предоставить ему всѣ необходимыя средства для культурнаго преуспѣя-

¹⁾ В. Соловьевъ. Национальный вопросъ въ Россіи; вып. 2, Спб., изд. 1891 г., стр. 11.

нія. Между тѣмъ Московское государство, вынужденное вести непрерывную борьбу съ внутренними и внѣшними врагами, лишено было возможности установить прочныя культурныя связи съ Западомъ. Отсутствіе этихъ связей препятствовало русскому народу ближе ознакомиться съ европейской образованностью и порождало въ немъ національное высокомеріе и религіозную исключительность. Отдѣленные почти китайской стѣной отъ европейскаго Запада, «люди Московскаго царства, въ концѣ концовъ стали считать себя избраннымъ народомъ, представителями истиннаго христіанства, и съ крайней нетерпимостью относились ко всему неправославному, считая его почти нехристіанскимъ» ¹⁾. При такихъ условіяхъ усвоеніе русскимъ народомъ плодовъ западной цивилизаціи совершалось крайне медленно, и Россія все больше и больше отставала въ культурномъ отношеніи отъ другихъ европейскихъ государствъ.

Сознаніе культурной отсталости Россіи отъ западной Европы и необходимости учиться у иностранцевъ появляется у русскихъ людей уже въ XVII вѣкѣ подъ вліяніемъ насущныхъ потребностей государства, которыхъ не представлялось возможнымъ удовлетворить домашними матеріальными и духовными средствами. Но начавшійся при такихъ условіяхъ поворотъ въ оцѣнкѣ собственныхъ силъ привелъ къ коренной перемѣнѣ взглядовъ русскихъ людей на отношеніе Россіи къ западно-европейскому міру лишь въ XVIII вѣкѣ. Самодовольной замкнутости русскаго народа былъ положенъ конецъ мощною волею Петра Великаго. Признавъ громадную важность международнаго общенія, онъ навсегда сдвинулъ Россію съ узкой колеи народнаго особнячества и самымъ рѣшительнымъ образомъ направилъ ее на болѣе широкій, міровой путь жизни, «на тотъ христіанскій путь, на который она впервые стала при Св. Владимірѣ» ²⁾.

Вступивъ въ правильныя международныя сношенія съ западно-европейскими государствами и подпавъ вслѣдствіе

¹⁾ *Пытинъ*, назв. соч., т. I, стр. 194.

²⁾ *В. Соловьевъ*, назв. соч., вып. 2, стр. 1—2.

этого подъ всестороннее вліяніе европейской культуры, русскій народъ, конечно, не могъ равнодушно отнестись къ быстрому вторженію въ его жизнь иноземныхъ обычаевъ и знаній.

Уже въ XVII вѣкѣ, при слабыхъ зачаткахъ культурнаго общенія съ Западомъ, раздавались голоса, обвинявшіе общество въ измѣнѣ старинѣ. Съ усиленіемъ же западнаго вліянія недовѣріе народа къ его пользѣ разростается. Въ тяжелый періодъ своего особнячества русскій народъ создалъ свою культуру, въ составъ которой «входили не одни антропологическіе инстинкты, но также и свои политическіе и общественные порядки и идеи, успѣвшіе плотно отложиться въ быту и духѣ народа и составляющіе народную психологію» ¹⁾. Отказаться отъ этой культуры казалось русскому народу равносильнымъ потерять родную почву развитія. Поэтому, не смотря на то, что европейскія знанія и понятія въ извѣстной степени проникали уже въ жизнь древней Руси, онъ крайне недовѣрчиво отнесся къ нововведеніямъ Петра Великаго и по мѣрѣ возможности старался оказать упорное противодѣйствіе нахлынувшей на него общечеловѣческой стихіи. Его противодѣйствіе этой стихіи выразилось не только въ приверженности быта къ исключительно-національному строю жизни, но и въ цѣломъ литературномъ направленіи, которое, видя въ Россіи и западной Европѣ два міра, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга какъ основами своей жизни, такъ и историческимъ назначеніемъ, поставило себѣ задачею огражденіе чистоты и неприкосновенности родного, вѣками слагавшагося міросозерцанія и быта отъ разрушительнаго потока иноземныхъ вліаній.

Это литературное направленіе, «смотря по точкѣ зрѣнія и настроенію мыслителей, то усыплявшее русскую мысль чувствомъ національнаго самодовольства, то угнетавшее ее пессимистическимъ уныніемъ» ²⁾, на первыхъ же порахъ встрѣтилось съ противоположнымъ воззрѣніемъ, которое стояло за развитіе пародной жизни на началахъ европейской образованности и

¹⁾ *Ключевскій*. Западное вліяніе въ Россіи XVII вѣка (историко-психологическій очеркъ). Вопросы философіи и психологіи за 1897 г. Январь—Февраль, стр. 138.

²⁾ *Ключевскій*, назв. ст., стр. 152.

принадлежало непосредственнымъ сотрудникамъ, исполнителямъ и ученикамъ Петра Великаго, наглядно видѣвшимъ поразительные результаты западнаго вліянія и «чувствовавшимъ низкій уровень старины и невыгоду прежняго застоя» ¹⁾).

При проявленіи первыхъ признаковъ такого разногласія во взглядахъ на значеніе западнаго вліянія на русскую жизнь можно было предполагать, что это—чисто временное явленіе, что съ развитіемъ образованія существовавшее въ русскомъ обществѣ національное и религіозное недовѣріе къ латинскому Западу постепенно исчезнетъ и что затѣмъ будетъ сдѣлана безпристрастная оцѣнка западнаго вліянія. Въ дѣйствительности, однако, вопросъ о совмѣстимости народныхъ и общечеловѣческихъ основъ въ историческомъ развитіи Россіи, въ силу своей тѣсной связи съ вопросомъ о національной ея самобытности, не такъ легко поддавался разрѣшенію. Споръ объ отношеніи Россіи къ западной Европѣ, объ отношеніи духовныхъ основъ русскаго народа къ началамъ западной цивилизаціи, проходитъ красною нитью черезъ всю исторію развитія русской общественной мысли, видоизмѣняясь лишь по своей формѣ, и въ извѣстной степени продолжается до сихъ поръ.

Первоначально этотъ споръ имѣлъ *религіозную* основу. Въ государственной и общественной жизни древней Руси религіозное начало играло руководящую роль, а большинство образованныхъ людей принадлежало къ сословію духовенства. Поэтому стремленіе къ огражденію чистоты православія еще въ XV—XVII вѣкахъ было одною изъ главныхъ причинъ отчужденія Россіи отъ Запада, считавшагося 'поганымъ и почти языческимъ вслѣдствіе его латинства. Послѣ же принятыхъ Петромъ Великимъ мѣръ къ сближенію Россіи съ западной Европой и перестроенію русской жизни на началахъ, выработанныхъ Западомъ, боязнь за чистоту вѣры еще болѣе усилилась и проявилась во враждебномъ отношеніи настроеннаго на религіозно-церковный ладъ общества къ какимъ-бы то ни было чужеземнымъ заимствованіямъ. Ревностные защитники интересовъ вѣры не допускали возможности, чтобы

¹⁾ *Пытинъ*. Исторія русской литературы, Спб. 1899 г., т. III, стр. 164.

человѣкъ, пользующійся просвѣщеннымъ опытомъ послѣдователей другихъ вѣроисповѣданій, остался истиннымъ сыномъ своей церкви. Съ ихъ односторонней точки зрѣнія всякія заимствованія извнѣ казались дѣломъ грѣховнымъ и вреднымъ для чистоты вѣры и душевнаго спасенія.

Наряду съ религіознымъ консерватизмомъ въ недружелюбномъ отношеніи русскаго народа къ западному вліянію, быстро проникавшему во всѣ сферы жизни, немаловажную роль играло *патріотическое* чувство, національное самолюбіе. Самолюбіе это весьма часто страдало со времени Петра Великаго. Оно было сильно задѣто многими его нововведеніями и глубоко оскорблено политическимъ хозяйничаньемъ иностранцевъ при ближайшихъ преемникахъ великаго преобразователя. Съ другой стороны, вслѣдствіе недостаточной развитости народа, самое патріотическое чувство нерѣдко понималось совершенно неправильно. Съ нимъ связывалось представленіе о непозволительности даже указывать какіе-либо недостатки русской жизни и допускать какое-либо превосходство западной Европы надъ Россіей. Подъ вліяніемъ дурно понимаемаго патріотическаго чувства «даже образованные люди были чрезвычайно недовѣрчивы къ тому, что казалось западнымъ мнѣніемъ, и до крайности притязательны тамъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, затрогивалось достоинство русскаго народа. Простое требованіе исторической критики, въ сущности нисколько не касавшееся этого достоинства, поднимало цѣлыя бури, простое упоминаніе иныхъ мрачныхъ событій русской исторіи съ негодованіемъ осуждалось, какъ оскорбленіе націи» ¹⁾).

Такой ложно-патріотическій характеръ недружелюбнаго отношенія къ Западу, выразившійся въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ въ екатерининскія времена по поводу историческихъ сочиненій о Россіи, а затѣмъ проявившійся главнымъ образомъ въ эпохи международной непріязни и борьбы Россіи съ европейскими государствами, можно встрѣтить въ русской литературѣ не только XVIII, но и XIX вѣка.

¹⁾ *Пштинъ*. Исторія русской этнографіи, Спб. 1890 г., т. I, стр. 143—144.